

---

## **СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПОИСКИ ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОСТИ**

---

**Г.И. ПЕТРОВА**

Томский государственный университет  
petrovlev@sibmail.com

Сегодня активно идёт становление философии управления социальными процессами, адекватной новому состоянию как философского знания, так и социальной реальности. Новизна объясняется деконструкцией метафизики, позволившей либерализировать онтологию социальности, придать ей коммуникативный характер. Коммуникативные социальные онтологии вызывают адекватную – коммуникативную онтологию управления.

Необходимость философского исследования специфики управления социальными процессами встаёт сегодня в связи с теми трансформациями, которые в последнее время произошли в социальной реальности. Повлияв на характер своего философского осмысления, они поставили вопрос об адекватности изменений в философских теориях управления и практике реализации управленческих решений. Современная философия находит возможности ответа на них, ибо происходящие с начала XX в. принципиальные изменения в ней позволяют фиксировать изменившуюся социальность и создать соответствующую настоящему моменту философию управления.

В современной литературе этот вопрос ставится актуально, и разработка новой области знания – философии управления – оказывается приоритетной не только потому, что востребована практически, но и потому, что она стала возможной, как стали возможными и философии других сфер культуры и социальной практики. Современная философия, в отличие от философии классической, не рассматривает себя в качестве «высшей судебной инстанции» по отношению к этим сферам [1. С. 361].

Напротив, она непосредственно входит в них, передает им свои способы работы, философизует их. Так и возникают философии «по краям»: философия физики, философия искусства, философия политики, экономики, города, кино и т.д. — философия управления в том числе. В этом сказывается как новое состояние философии, так и новое состояние различных, считавшихся ранее «периферийными» по отношению к философии, областей социальности.

Трансформации внутри философии связаны с деконструктивистскими процессами в области метафизики и освобождением философского знания от власти метафизической субстанции — «архе». Изменения, конечно, повлияли на характер философского осмысления социальности, вызвали её новую концептуализацию. Концептуализированная по-новому социальная реальность, в свою очередь, востребовала и нового взгляда на характер управления ею.

Что, однако, изменилось в постметафизически увиденной социальности? Ответ на этот вопрос важен в плане поиска адекватных направлений в изменениях управления социальными процессами сегодня. В статье вопрос ставится более конкретно — как современная философия смотрит на объект управленческой деятельности, исходя из каких оснований видит его специфику в изменившейся социальной ситуации? Необходимо, таким образом, философски обосновать трансформацию той структуры управления, от которой зависят все прочие её принципиальные изменения.

Специфика философии состоит в том, что характер её собственного знания включает способ его построения и необходимо сказывается на призме её смотрения на мир. Конструируя стиль мышления о мире и способ его построения как бытийственного, философия превращает окружающий мир — даже мир природы — в человеческую действительность, ибо пропускает его через фильтр сознания. Из окружающей человека реальности философия конструирует мир, который узнаётся как таковой только в случае этого «фильтрирования». То, что не попадает в объятия человеческого сознания — «вещь в себе», — не является и планом человеческого мира. Человек — великий конструктор всего того, что его окружает. Конструктор и управленец.

Каким же человек увидел мир в постметафизическую, т.е. современную философскую эпоху? Каким мир, в частности мир социальности, предстал перед человеческим управленческим взглядом? Иначе: какие изменения произошли в философской концептуализации социальной реальности и как они повлияли на философское видение объекта управления? Общий ответ состоит в том, что постметафизический взгляд сконструировал новую онтологию социальной реальности. Следствием

деконструкции метафизического «архе» – системообразующего начала, вокруг которого создавалась общественная система, явилось нарушение устойчивости, вечности, прочности и абсолютной логической выверенности социальных онтологий. Оказавшись «отсутствующей структурой» [2], «архе» больше не держит социальную реальность в стабильности, нет в ней и лишь центрально ориентированных однолинейных связей. Напротив, теперь социальность увидена в динамике беспорядочных и самоорганизующихся коммуникаций, в постоянной изменчивости и калейдоскопической непредсказуемости конфигураций тех рисунков, которые она приобретает в результате допущенной самоорганизации.

Конструируя стиль осмысления и построения мира социального, современная философия вместо способа его собирания под центральное начало – «архе» предложила принцип равноценности и равновозможности всех составляющих общественную систему структур. Оказавшись равнозначными, элементы социальной действительности больше не собираются в единство, на основе какой-либо определенной базовой структуры (типа «воды» Фалеса, «Мирового Духа» Гегеля или «производственных отношений» К. Маркса). В раскрепощенном философском мышлении системообразующее социальное отношение сегодня потеряло власть. В результате система распалась на «тексты» и «куски» (Р. Рорти) [3], оказалась в состоянии «разнесения» и «дифференциации реальности», когда «жизнь слилась с самим движением» (Ж. Делёз) [4. С. 304] и предстала в *differAce* (Ж. Деррида) [5. С. 17–19, 23, 35–36, 47, 70]. Постметафизический стиль мышления, таким образом, произвёл демократические изменения в социальной реальности, превратил её конструкцию из властно, тоталитарно и стабильно организованной в динамичную, неустойчивую в своей самоорганизации коммуникацию либерализованных, разнородных, но равноценных структур.

Динамика, неустойчивость и коммуникативная самоорганизация оказались замеченными в силу того, что новый способ (стиль) конструирования реальности сменил механизм социокультурного развития. Если в качестве такового в истории общества всегда была традиция, благодаря которой развитие осуществлялось на основе переноса – традирования – доминанты (того самого «архе») социокультурного состояния из прошлого в настоящее и будущее, то сегодня на место традиции пришла инновация. И если традиция обеспечивала единство и устойчивость развития, поскольку всегда сохраняла культурную доминанту, вокруг которой формировалась вся социальная целостность, то инновация принципиально изменила характер развития, ибо покусилась на устойчивость и вместо стабильности, упорядоченности, логической прозрачности всех будущих состояний общества предложила постоянство его пребывания как ново-

го и всегда в залоге «пост-». Это – «современная постсовременность». Инновация как механизм развития внесла в социальность динамику, постоянство движения. Парадокс так онтологизированной социальной реальности состоит в том, что она являет себя как современность только тогда, когда оказывается уже «после себя» – постсовременностью: она, опережая самоё себя, «бежит» в новое состояние. Причём отсутствие доминанты сказывается в отнятии у новых состояний социальности возможности быть санкционированными в их однолинейной ожидаемости. Они непредсказуемы и непрогнозируемы в векторах развития. Однонаправленность пути, его логическая выверенность, продиктованная властью системообразующего отношения, уступили место беспорядочной разнонаправленности («ризомности» – Ж. Делёз) одновременно и свободно реализующихся, пересекающихся, сцепляющихся и переплетающихся (как «макароны в кастрюльке» или как «клубок играющих котят» [6]) направлений, возникающих связей и строящихся отношений. Основная работа инновации – убрать любую социокультурную доминанту, ибо она сдерживает движение к новым состояниям социальности. Лишение власти системообразующего социального отношения и как следствие – социокультурная бездоминантность стимулируют разновекторность и неупорядоченность социального развития, хаотичное сцепление и переплетение общественных отношений, калейдоскопичность возникающих связей.

Следствием оказалась беспрецедентность состояния современной социальности. Общество теперь репрезентируется хаосом постоянных переходов, «которые никуда не переходят», это – «онтология пере-» [7] – переходов и кризисов, которые приобретают онтологический статус. Лишенная единого центра, социальность стала легитимной для такого «хаоса», где реализует себя свобода самоорганизации, имеющая лишь намерение установить «порядок», но под действием инновации как механизма социального развития, всегда убеждающаяся, что современный «порядок» – это и есть «хаос». Порядок сегодня являет себя в качестве «хаоса». «Кризис», «переход», «хаос» теперь не есть некая временность, период, который можно переждать, чтобы вновь войти в устойчивое жизненное состояние. Напротив, они никогда не заканчиваются. Они наличествуют в социальном бытии как его сущее.

Отношения и связи подобного характера категориально оформились в термине «коммуникативная онтология социальности». Коммуникативность означает динамику, постоянство движения, сопряжённость его с разновекторностью и непредсказуемостью результатов, калейдоскопичностью мерцающих и постоянно сменяющих друг друга конфигураций социальных состояний. Переход, движение, неустойчивость и бесконеч-

ное становление нового приобрели сегодня онтологический статус. Деконструкция как стиль есть критика и санкция на становление новизны. В этом качестве она создаёт онтологию в постоянстве незавершения, непрерывности «переходов», маргинальности и неверия в устойчивость. В таких характеристиках деконструкция противостоит метафизике как вере в завершённое знание.

Итак, современное бытие репрезентировано маргинальностью и мельканием постоянных «переходов» и «разрывов» между мгновениями становления и движения. В качестве репрезента оно имеет не предметные полюса тех состояний, от которого и к которому переход осуществляется, но то, что есть между этими состояниями, – само «между». Социальность предстаёт в «швах», «нестыковках», «лакунах», «зияниях», «преткновениях», «надломах», «срывах» [8. С. 27, 31], не позволяющих создать строго целостную онтологическую систему.

Это – уже не классическая онтология, имеющая дело с предметным миром, упорядочивающая и выстраивающая его по законам чистой логики, прозрачная в своих изменениях, прогнозируемая в каждом последующем состоянии, поддающаяся разумному конструированию. В современной онтологии «пере-» в «между» исчезла предметность, и деконструктивистский стиль философского мышления спровоцировал её виртуальность и медийное состояние. Это – медиаонтологии [9], где нет никакой предметности, но есть самоосуществляющееся вне указательных решений каких-то более высоких структур калейдоскопическое мелькание сменяющих друг друга коммуникаций. Они и предстают в качестве социальной онтологии, которая фиксирует теперь *не предметность*, где осуществляются коммуникации, *но сам факт их наличия как связи и взаимодействия*. Социальность «высвободила производительную силу коммуникаций» [10. С. 83], которые, постоянно меняя свои конфигурации, создают онтологию в её полионтологических изменениях. Базируясь на коммуникации и отвергнув единство предметной основы, онтология приобретает характер полионтологического рисунка, как непрерывной смены разных онтологий.

Внимание к фактору «между», к отношениям, к движению и организации социальности без ведущей и базовой субстанции-центра актуализировало калейдоскопические изменения социальности, повергающие социальное бытие в маргинальное, «мерцающее» и «пульсирующее» состояние. Оно живет лишь коммуникациями между полионтологическими структурами. Чем активнее и интенсивнее они осуществляются, тем более устойчивым оказывается общество. Парадоксальность коммуникативной социальности в том, что она может быть устойчивой лишь в случае непрерывного движения.

Итак, основность (базирование на базовой структуре – основе), создающая единство и стабильность социальной онтологии, уступила место свободе и безосновности, постоянной смене коммуникаций, превращающих онтологическое единство в полионтологическое движение различного и многообразного. Полионтологичность социальности и поликультурность как её культурное состояние есть итог и результат постметафизической концептуализации социальной реальности. Утрачивая базовость субстанциального основания, общество больше не подчиняется строгой логической выверенности и требует новой формы организации и управления.

Произошедшие коммуникативные изменения в современной социальной реальности вызывают подобную же, т.е. коммуникативную, онтологию управления ею. Что это значит, и каково специфическое содержание коммуникативного управления? Эти вопросы не найдут адекватного ответа, пока не будет найдена специфика объекта управления в ситуации его постоянного коммуникативного изменения.

Вопрос об объекте современного управления (как он видится с позиций философии) является одним из основных в уяснении сути управления. Ясно, что в непрерывности и неопределённости собственных трансформаций он по сравнению с классическим и традиционным его видением в плане некой вещиности, устойчивости и предметности, становится по своему характеру принципиально иным. В коммуникативной социальной динамике предметом управления оказывается движение: движение, процесс, сама неустойчивость, неупорядоченность, «хаос» отношений, их постоянное стремление к «порядку» и столь же постоянное его недостижение. В «мерцаниях», «мельканиях», «пульсации» непрерывных коммуникативных изменений объект управления ускользает, теряя предметную основу. «Исчезает»? Скорее, приобретет беспрецедентную в прошлом специфику: он провисает в «между», представлен самим «отношением», «переходом». Как таковой, он тоже приобретает коммуникативный характер. В ситуации сменяющих друг друга онтологий он всегда присутствует на границах разных онтологических систем. Он маргинален. Маргинален не в плане оценки его девиации, но в плане констатации его калейдоскопической изменчивости в одновременном пребывании в разных онтологиях. Он имеет способность высвечиваться всегда по-разному в зависимости от позиции, где он актуализируется. В своих изменениях он «дразнит», не поддаётся «схватыванию», ускользает – игровой, коммуникативный объект. В постоянстве переходов от одних состояний в другие, в непрерывности исчезновения и появления он существует как иллюзия; он есть и одновременно его нет как только что присутствовавшего, он уже другой и снова исчезает как таковой – до бесконечности.

Трудность управления ускользающим, постоянно исчезающим и вновь появляющимся – коммуникативным объектом-иллюзией – состоит в том, что оно (управление) оказывается безосновно, внепредметно направленным. Присутствуя сразу в нескольких онтологиях, ускользая и появляясь вновь, объект требует от управления «фасетного» зрения. Управление коммуникативным объектом – это такое воздействие на объект, при котором требуется межпредметный взгляд – взгляд во все стороны одновременно, и умение при использовании особой методологии принятия решений, риска и вероятностного поиска выбрать регион наиболее эффективного воздействия. Классические теории управления никогда в прошлом не встречались с подобной ситуацией, и современность стоит перед необходимостью наработать традицию управления таким объектом, который являет себя «внепредметным предметом», т.е. таким предметом, репрезентом которого является движение.

Нет, конечно, нельзя сказать, что современная философия, видя изменение онтологии социальной реальности, замыкается в своих теоретизированиях и подмечает (если иметь в виду проблему данной статьи) лишь некие абстракции типа «ускользания», «провисания», «безосновности» и «внепредметности» объекта управления. Напротив, современный философский интерес прагматичен и выражается в серьезных наработках и конкретных концепциях управления. Среди подобного рода концепций можно назвать следующие: «обучающаяся организация» (Т. Питерс), Школа культурной политики (П.Г. Щедровицкий), «корпоративная культура» (К. Камерон), концепция «самоуправляющегося коллектива» (П. Друкер), «антикризисное управление» (Л. Якокка), «управление через ценности» (Р. Уотерман), реинжиниринг (Дж. Келли), «управление в стиле финк» (К. Нордстрем и Й. Риддерстрале), «организационная культура» (Э. Шайн). В области разработки методологических проблем управления заняты П. Сенге, С. Кальберт, С. Чернышев, С. Степанов и др. Подобного рода наработки очень важны и осуществляются в плане накопления теоретического и эмпирического материала для выводов общепhilosophического характера и построения целостного учения – философии управления. Философский интерес сегодня привлекают и теоретические открытия в области кибернетики и информатики, нелинейной динамики и теории самоорганизации, теорий катастроф, вероятностей, нечётких множеств, теории неопределённостей типа незнания, таких как теория игр и т.п. Они дают ответы на многие вопросы, но их философское осмысление рождает и вопросы новые. Среди них, возможно, главным является вопрос относительно определения места пересечения, совмещения и использования в управлении социальными процессами тех управленческих шагов, которые хорошо работают в области управления природными

процессами. В самом деле, в гуманитарно-социальной сфере появляются факторы, которых нет в природе, и в управлении этой сферой нельзя не учитывать такие (дополнительные для природных явлений) обстоятельства, как антропологическая нагруженность социокультурных процессов, уникальное действие человеческих экзистенциалов, духовно-ментальное и душевное состояние человека, влияние культуры, истории и т.д., и т. п.

Среди тех, кто активно работает в направлении ответа на подобного рода вопросы, можно назвать П. Щедровицкого, В. Шепеля, И. Богачека, В. Деева. Чрезвычайно много выходит литературы по отдельным управленческим темам – литературы очень прагматичной, имеющей целью помочь организации в конкурентной борьбе и выживанию в условиях рынка, который реально репрезентирует онтологию самоорганизующихся коммуникаций. Так, разрабатываются темы «управление временем» (С. Резник, В. Бондаренко, С. Соколов, Дж. Маргенстерн, Л. Сильбер), новых структур управления (П. Друкер, Б. Мильнер, Г. Минцберг), соотношения управления и власти (М. Фуко, Х. Арендт, К. Гаджиев, В. Ильин, А. Панарин, А. Рябов), влияния национальной культуры на управление (И. Ладанов, Е. Деминг, У. Оучи, В. Пронников), различия разных стилей управления (К. Бланшар, Дж. Моутон, Дж. Льюис, Р. Блейк, Г. Уитмор).

Что же касается классической философии управления, то она, будучи санкционированной философской классикой и классическими теориями управления, конечно, существовала. Однако прошлые центрированные, устойчивые, некоммуникативные социальные онтологии и административные системы как системы однонаправленного властного действия если и вызывали необходимость разработки философии управления, то лишь в направлении отождествления управления и власти. Управление, считалось, есть властное действие. Философия управления оказывалась философией власти. В таком качестве, т.е. в направлении придания управлению характера жёсткого администрирования, строго логических и рационально выверенных шагов, управленческих указаний и директив, она разрабатывалась и философами, и социологами. Социальному объекту, который в классическое время характеризовался признаками устойчивости, онтологической однородности и неизменности системы, выстраиваемой вокруг базовой структуры-«архе», вполне соответствовало тоже центрированное, однонаправленное, не требующее изменений и принятия нестандартных решений управление. Такое управление не было коммуникативным, но именно в своей некоммуникативности оно было адекватным классическому стабильному времени. Поскольку шагам, ходам, способам не надо было меняться, ибо не менялись социальные контексты и объект управления оставался в своём предметном содержании одним и тем же, то философия управления приобрела вид рационально устойчи-

вого, никогда не меняющего своей сути и содержания бюрократического действия. Учение о бюрократии – основа философии управления как классической философии власти и администрирования.

Но что значит управление социальным движением, процессуальностью? Социальной неустойчивостью? Постоянными переходами в другие, новые, социокультурные состояния? Эти и подобные вопросы актуализируют сегодня разработку новой философии управления. Ее предметом и становятся социокультурные коммуникации. Состояние этой разработки обуславливается замеченным в существующих теориях управления социальными процессами противоречием. В ситуации, когда уже заявили о себе новые методологические подходы к управлению, всё ещё продолжают использоваться способы и методы управления, фундированные классическими теорией и методологией. Решение этого противоречия состоит в том, чтобы отойти от классической концептуализации социальной реальности, построенной на принципе ее центрации вокруг единого – экономического (как правило) – основания и создать новое философское ее (социальной реальности) видение в ракурсе неклассической, коммуникативной онтологии. Такая процедура будет необходима для того, чтобы социокультурные коммуникации – коммуникации как движение – увидеть в качестве предмета управления. Проблема, таким образом, сводится к тому, чтобы, исследовав социокультурные коммуникации и предложив их в качестве предмета управления, заложить основы для разработки современной философии управления. По определению, управление, по поводу которого говорит современная философия, должно быть также коммуникативным.

Тема управления социальными процессами в силу ее особой актуальности сегодня является наиболее острой и популярной для научных исследований. Вместе с тем до сих пор остаются не раскрытыми (или недостаточно разработанными) вопросы как общетеоретического, так и прикладного характера. Нет главного – понятия управления, пригодного для коммуникативной онтологии социального объекта, каковым и оказываются современные социальные процессы. Коммуникации, репрезентирующие современную онтологию социальных процессов, переплетают и сцепляют разные социальные границы, ввергают общество в маргинальное состояние, в «воронки» переходов. Либерализуя и демократизируя социальность, онтологическая коммуникативность способствует персонификации человека, раскрепощает личностные, антропологические, социогуманитарные и культурные факторы. Однако эти же явления вызывают и управленческие трудности. Становится понятно, что без современной философии управления и осмысления управления с точки зрения его ориентированности на процессуальность, движение и безосновность

переходов как специфического состояния управленческого объекта не может быть и серьёзного прорыва в практике управления.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабермас Ю.* Философия как местожитель и интерпретатор // Путь в философию. Антропология. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 445 с.
2. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
3. *Рорти Р.* Случайность, ирония, солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
4. *Делёз Ж.* Бергсонизм // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая рефлексия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕР СЕ, 2001. – 480 с.
5. *Деррида Ж.* Позиции: Пер. с фр. – К.: Изд-во «Д. Л.», 1996. – 192 с.
6. *Нордстрем К., Риддерстрале Й.* Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта. – СПб.: Стокгольмская школа в С.-Петербурге, 2000. – 273 с.
7. *Лехциер В.Л.* Феноменология «пере-»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007. – 354 с.
8. *Лакан Ж.* Четыре основных понятия психоанализа. (Семинары: Книга XI). – М.: Гнозис / Логос, 2004. – 304 с.
9. *Гройс Б.* Под подозрением. Главный ресурс – информация. – М., 2006.
10. *Хабермас Ю.* Производительная сила коммуникации // Демократия, разум, нравственность. – М.: АО «Камі». Издат. центр «AKADEMIA», 1995. – 245 с.